

Мифологическое сознание и нейрофизиологический механизм действия образности поэтического языка.

(Ко дню рождения русского поэта Юрия Кузнецова).

11.02.1941 – 17.11.2003

Русская поэзия всегда отличалась философским подтекстом, глубиной мысли и *повышенной образностью* поэтического языка. Для более полной выразительности поэты использовали метафоры, мифы, символы, аллегории, сравнения, эпитеты и другие приёмы. Это позволяло им кратко и ярко выразить важную мысль или “нарисовать” художественный образ, понятный и в то же время информационный. Эти *литературоведческие категории* и создают *образность* поэтического языка.

Образность – характерная черта почти всех русских поэтов. Если исходить из работ Белинского, Тютчева и Кожина, то отчасти причиной этого явилась *смена творческих поэтических школ*. На смену *пушкинской плеяды поэтов* “школы гармонической точности” пришли *поэты тютчевской плеяды*. В основе их поэзии лежит глубокая поэтическая мысль, обширность взгляда, философские проблемы бытия, проблемы дисгармонии, глубина чувств, *образ мыслителя*. Это было новое поколение, одарённое поэтическим талантом и обогащённое познаниями. Как писал В. Кожин: “В тютчевской поэзии суть дела вовсе не в философии, не в системе мыслей, но в самом *образе мыслителя*”. В. Белинский отмечал, что: “... цель вредит поэзии. ... Назначив себе высокую цель, надо обладать и *великими средствами*, чтобы её достойно выполнить. ... Часто обнаруживается более усилия ума, чем излияние горячего вдохновения, ... необходимо согласить ум с чувством, идею с формой”.

На мой взгляд, *особо повышенная образность* присуща поэзии Фёдора Тютчева, Сергея Есенина, Осипа Мандельштама и Юрия Кузнецова. “Мысль Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлечённою, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы” (И. Тургенев). Стихи у Тютчева рождались “в счастливых метафорических рубашках” (А. Кушнер). *Метафоры* у поэта выполняют разные функции – и познавательную, и эмоциональную, и “примиряют” несоотносимые понятия. Многие отмечали, что при переходе к *символу* поэтический образ становился “прозрачным”, через него просвечивал смысл. Поэт широко использовал *аллегории, эпитеты, сравнения и мифы*. *Мифы для Тютчева были источником осмысления и познания Мира, а мифологическая образность естественна и органична*. Особое место в его поэзии занимал *иррационализм* (вещие, пророческие сны; предвидение). Использование и мастерское владение всеми этими приёмами, его интеллектуализм привели к тому, что Тютчев сумел совместить краткость и глубокий смысл.

Невозмутимый строй во всём,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаём.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

***

Как дымный столп светлеет в вышине! –
Как тень внизу скользит неуловима!
“Вот наша жизнь, промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма ...”

Сергей Есенин – это, конечно, удивительное явление в русской поэзии. Он волнует и будет волновать наши сердца и души всегда, этот поэт вне времени. Для его поэзии ключевым тропом является *метафора*, но для неё характерны также – *исповедальность, библейская символика, любовь к цветопи, повторы, эпитеты*. Поэт сам создаёт свои метафоры, образы, сравнения для того, чтобы глубже и полнее выразить своё мировосприятие. Всеобщий метафоризм Есенина сводится к *единству всего сущего на Земле* (“Дети Природы”). Основной базой для него были фольклорный, крестьянский мир. Прилагательные и наречия создавали метафорические эпитеты (день пуглив и дик; кудрявый сумрак). Часто метафора становилась *мифом*, преображала реальность в фантастику (выткался на озере алый свет зари; вечер, как сажа, льётся в окно).

Ветер-схимник шагом осторожным
Мнёт траву по выступам дорожным.
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные *незримо*му Христу.

Как отмечает Ю. Кузнецов, благодаря *эпитему незримый*, личность Христа из *метафоры* переходит в *символ*. А своей словесной скупостью он добивался выразительности в каждом слове. “Плачет метель, как цыганская скрипка”. “Рыжий месяц жеребёнком запрягался в наши сани”. “Золотую лягушкой луна распласталась на тихой воде”. Пример сложного развёртывания метафорического ряда: “Изба – старуха челюстью порога//жуёт пахучий мякиш – тишину”. “В тихий час, когда заря на крыше, // как котёнок, моет лапкой рот”. “Здесь даже мельница – бревенчатая птица//с крылом единственным – стоит, глаза смежив”.

Клён и липа, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.
***

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Поэзия Сергея Есенина красочна, образна, метафорична, символична и в то же время конкретна. Поэт хотел “всю душу выплеснуть в слова”.

Осип Мандельштам – одна из самых трагических судеб русской поэзии. Его поэзия вызывает восхищение, а судьба – жалость, это “немой внутренний крик”. Унижение, непризнанность, растерянность перед жизнью, отчуждённость и чувство неприкаянности. “Мне на плечи кидается век – волкодав”, “Петербург, я ещё не хочу умирать”. Поэзию Мандельштама отличает доверительность, задушевность и таинство. Поэт широко использует *метафоры* как приём. Его поэзия сочетает успешно два противоположных течения: *символизм и акмеизм*, глубокую зашифрованность образов и предельную ясность изображения. По Мандельштаму, “*Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку*”. Надо отметить *мифопоэтический аспект его поэзии* и роль античного мифа. Они помогли ему ощутить поток того времени, извлечь подлинные фрагменты древнего мира и оказали огромное влияние на образную и сюжетную структуру его поэзии. Вопрос о мифах является сложным. Ограничимся пока следующим: “*Миф есть лик Бытия, данный во всей его интеллигентной полноте, которой только располагает данное Бытие*” (А.Ф. Лосев, Диалектика мифа). Так “Стихи о неизвестном солдате” соединили в себе миф о “начале” и миф о “конце”, показав грядущий Апокалипсис, несущий гибель:

Миллионы убитых задёшево

Протоптали тропу в пустоте, –
Доброй ночи! Всего им хорошего
От лица земляных крепостей!

... ..

Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться Войска?

А какое смешение зашифрованных образов, метафор, элементов мифологии, символов в стихотворении Мандельштама “Тишина” (Молчание)!!!

Она ещё не родилась,
Она и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В чёрно-лазуревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту –
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Хочется ещё привести хотя бы несколько выдержек из стихов большого поэта:

Кто время целовал в измученное темя, –
С сыновьей нежностью потом
Он будет вспоминать, как спать ложилось время
В сугроб пшеничный за окном.

***

Небо вечера в стену влюбилось –
Всё изрублено светом рубцов, –
Провалилось в неё, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Три замечательных русских поэта, три разных самобытных личности, из разных сословий, работающих на русской поэтической ниве. Их стихи отличаются *особо повышенной образностью*.

Наша словесность, выразительность, глубина чувств, обширность взгляда, высокие цели, литературоведческие средства, сочетание ума с чувством и идеи с формой. Это всё необходимо для поэзии как части настоящего искусства. Настоящая поэзия должна обладать магией, как музыка, живопись, балет... Она должна “включать” у нас иррациональное, наполнять наши подсознание, душу, сердце положительными эмоциями, завораживать. Только затем, в рамках бинарной модели, “включается” рациональное – мозг, нейронные сети, разум, сознание. На мой взгляд, *такой магией обладает поэзия Юрия Кузнецова*, для которой характерна *исключительная образность*. Появился поэт, который не перекопал лопатой поэтическую ниву, не вспахал её сохой, а прошёлся по ней тяжёлым плугом со словами: поберегись, могу зашибить, кто не спрятался – я не виноват. Сократовский лоб и ум, кражистый, с мозолистыми руками... Свой Лев Толстой в поэзии. Вспахал, засеял “непонятно чем” и оросил своим потом. То он пьёт из черепа отца, то у него какой-то дурак

препарирует лягушку, то он гуляет с Христом по аду, то беседует с ангелами, то раскачивает маятник, то у него мужик летит стоямя, то русалка, а то покосившийся забор, то ..., то ..., то ...

Раньше в советской поэзии, в основном, всё было просто и ясно – Тёркин травит байки, за Гренаду идут воевать, в печурке поёт огонь, в океане тонут лошади, кто-то читает поэму про Казанский Университет, кто-то признаётся в любви к женщине, деревне, природе, к Родине... Полный букет эмоций со слезами на глазах. Налицо стихотворная, ритмически построенная речь с элементами очарования, обаяния, эмоций, то есть *стихосложение*. Ведь и поэт, в переводе, означает стихотворец. Нужна ли такая поэзия? **Несомненно!!!** “Но Богу дорог каждый знак. // Ведь каждый знак – улыбка Бога” (Ю.К.). Но где Поэзия, как *искусство образного выражения мысли в слове, со своим таинством и способностью завораживать?* В этом состоит её *высшее проявление*, как настоящего искусства, как настоящей музыки, живописи, балета. Что такое балет? Это гармония музыки и танца, это Миф. Что такое опера? Это гармония вокала и инструментальной музыки, это Миф. Что такое поэзия? **Это гармония мысли и слова, это Миф.** Конечно, примером такой гармонии является поэзия символистов Тютчева и Бодлера, через которую проходит, красной нитью, тема *красоты* и тема *соответствия (гармонии)*. Да, “иные времена – иные нравы”! Тем не менее, цели и задачи высокой поэзии никто не отменял. Где Тютчевы, Мандельштамы, Пастернаки, Бродские? Стихи должны отражать высокий уровень поэта по всем позициям и являть собой “не четыре действия арифметики, а высшую математику” (А. Эфрон). **И вот на поэтической ниве Юрия Кузнецова выросло “Бог знает, что” – “чудо чудное”; настоящая поэзия, как высшее проявление искусства; гармония слова и мысли; слово зазвучало, как натянутая струна, и приобрело таинство, магию; слились воедино иррациональное и рациональное, соединились душа и разум. Как настоящие музыка, балет, и живопись поэзия стала завораживать.**

Магия его поэзии объясняется тем, что, за внешней простотой, в его стихах сразу чувствуешь наполненность, напряжение, смысловой глубокий подтекст, минорную тональность. Это всё достигается *исключительной образностью поэтического языка Ю. Кузнецова и его мифологическим сознанием*. В русской поэзии “Юрий Кузнецов – это явление”. “Нам явлен поэт огромной трагической силы... Он – поэт конца, он – *поэт трагического занавеса, который опустился над нашей историей*... Он говорит тёмные символические слова, которые найдут свою расшифровку, но не сегодня и не завтра. Именно поэтому ему дано громадное трагическое дарование” (Е. Рейн).

Поэзия Кузнецова охватывает ярко, наглядно, образно, художественно эпоху человечества “длиной в две тысячи лет”. Причём, не просто отражает, а даёт свою оценку каждому значимому эпизоду истории. **Такие Титаны прокладывают тропу**, их не с кем сравнивать. Он сумел выразить весь драматизм не только русского исторического опыта, но и всей человеческой цивилизации. **“Истинное искусство, как и религиозное слово, обращается непосредственно к сердцу человека с откровением Истины. Поэтическое слово, как миф, вмещает в себя бесконечное содержание, будучи по форме простым и доходчивым. К такому слову-мифу стремится и поэзия Юрия Кузнецова в лучших её образцах” (И. Геворгов).** “Одинокий в столетье родном//Я зову в собеседники время” (Ю.К.). Он, один из немногих представителей поэзии, который понял и осознал вызов, брошенный Историей Человеческой Цивилизации.

Ю. Кузнецову в целом характерна *иррациональная образность*. Поэтому его называли “Сумеречным ангелом русской поэзии”. **Он позиционируется как основоположник мифопоэтического мышления.** “Никаких исторических концепций у меня нет, моё мышление мифологическое, образное. Из истории я беру то, что мне нужно...” (Ю.К.). **“Я поэт с резко выраженным мифическим сознанием”** (Ю.К.). Его мифы чувственно и физически осязаемы, обладают телесностью и видимостью. Образное видение, причём расстояние между прямым и переносным значением сокращено до минимума, образы зримы и осязаемы. В. Кожинов назвал творчество поэта “внедрением в словесно-образную ткань прошедших через века образов, символов, эмблем народного сознания”. И историю поэт излагал в *“словесно-образной ткани”*, что ставилось ему нередко в вину. Почти все стихи Ю. Кузнецова читаются на одном дыхании, только потом осознаёшь их глубочайший смысл и важность поднятых им проблем.

Но прежде чем продолжить разговор о поэзии Ю.П. Кузнецова, я позволю себе остановиться вкратце на проблеме, связанной *с мифом и с мифологическим (мифическим) сознанием*. В основу положены работы А.Ф. Лосева (Диалектика мифа) и Ю.П. Кузнецова (Воззрение).

Мифы обычно рассматриваются как способ объяснения мира, выполняющий определённые функции (в частности, поддержка социального порядка), как форма человеческого воображения и творческой фантазии. **“Миф есть выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя того мира, который открывается людям и культуре, его исповедующим”** (Лосев). “Миф не есть бытие идеальное, но – *жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность*” (Лосев). Миф – это реально существующие феномены в мифологическом сознании: “всё, феноменально и условно трактованное в аллегории, метафоре и символе, становится в мифе действительностью в буквальном смысле этого слова” (Лосев). **“Миф есть продукт коллективного образного мышления, воплощающего взаимодействие человека и мира – как целого”** (М. Хайдеггер). О.М. Фрейденберг выводит миф из метафоры, определяя его как “образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время поняты нерасчленённо и конкретно, где человек и мир субъект – объектно едины, – эту особую конструктивную систему образных представлений, когда она выражена словами, мы называем мифом”. Прекрасное, точное представление. “Итак, миф не выдумка и не ложь. К настоящему мифу нужно относиться серьёзно. Мифическое сознание в русской словесности проявлялось по-разному” (Кузнецов). “Для мифического сознания всё явлено и чувственно ощутимо... Возьмите самые исходные и центральные пункты христианской мифологии, и вы увидите, что они тоже суть нечто чувственно явленное и физически осязаемое... Духовная мифология всегда оперирует чувственными образами ...” (Лосев). **Поэтому можно сказать, что миф является онтологической сущностной силой, а сама мифология может трактоваться как учение о перводанной сущности, об историческом процессе.** Мифы являлись одним из способов познания мира и в мифологических сказаниях накапливался опыт и знания многих поколений. Миф, информационно раскрываясь, естественно, перерастает или вливается в Логос.

Архетип – это, по существу, мифологический бессознательный образ, который становится осознанным и воспринятым под влиянием индивидуального сознания, в котором всё это возникает (по Юнгу). Таким образом, архетип можно рассматривать как инструмент познания действительности. “Мифологическое... открывает путь архетипическому из *тёмных глубин подсознания к свету сознания*” (В.Н. Топоров). Главной функцией Мифа является функция **посредника между архетипом** (как областью бессознательного) и **поэтическим образом** (как областью сознательного). “Архетипы-образы становятся символическими выражениями внутренней и бессознательной драмы души” (Т.Х. Керимов). Они возвращают нас к истокам и помогают воспроизводить своё прошлое. Так поэт, используя фрагменты древних мифов, творит собственную мифоподобную поэтическую реальность. В науке, в гносеологии грубым аналогом этого можно считать ситуацию, которая возникает между **высказанной гипотезой** и созданной, на её основе, **научной теорией**.

К **принципам мифологического сознания** можно отнести: **партиципацию** (сопричастие, всеобщая взаимосвязанность, целостность мира...); **синкретизм** (слитность в одном целом зачатков всех форм духовного освоения мира – искусство, религия, мораль, словесное творчество, философия, наука...); **иррациональность** (миф – это эмоционально-ценностное, субъективное построение); **символизм** (это выражение средствами языка наглядных образов; символ является средством передачи, выражения, синтеза мифологического знания; символ способствует научному пониманию мифов...); **этиологизм** (причина; любой миф пытается дать объяснение... почему?); **прозрачность** (представленная в мифе картина мира полностью отождествляется человеком с самой реальностью).

Используя **элементы мифа, символические образы** поэт достигал высокого уровня выразительности. Юрия Кузнецова называли **гением метафоры**. Но, по его словам, он недолго увлекался метафорой, а затем круто повернул к **многозначному символу**, с помощью которого и стал строить свою “поэтическую Вселенную”. **“Начиная с 17 лет, я всюду видел одни метафоры.**

Народные русские загадки сплошь метафоры, но они – как бы живые. А мне то и дело попадались мёртвые, из которых можно было строить условный мир, а не живой. Я хотел невозможного – реализовать метафору в одном прямом значении. Но в пределах метафоры это было безнадежным делом... Значит, метафора способна, как мёртвая вода из сказок, срастить отдельные части в тело, но само тело остаётся мёртвым. Его может оживить живая вода, а она есть в символе и в мифе... Стихотворение о детстве “Бумажный змей” – мой первый символ:

*Бумажного змея пускаю стремглав,
Без цели и дальнего смысла.
Обрывки газеты, на нить нанизав,
Я ввысь посылаю, как письма.*

*А он ни за что не вернётся в мой дом!
На письма ответа не будет.
Его различаю я в небе с трудом...
Меня он забудет, забудет.*

*А может быть, змея совсем уже нет?
Но слышу я: дёргаясь прытко,
Натянута тонкая-тонкая нить –
Та, к детству ведущая нитка...*

В 1967 году у меня прорезалось мифическое сознание в “чистом виде”. Я написал свой первый миф: стул в пиджаке сдвинулся с места сам и стал ходить, и даже говорить по телефону: (“Отсутствие”)

*Ты придёшь, не застанешь меня
И заплачешь, заплачешь.
В подстаканнике чай,
Как звезда, догорая, чадит.
Стул в моём пиджаке
Тебя сзади обнимет за плечи.
А когда ты устанешь,
Он рядом всю ночь просидит.
Этот чай догорит.
На заре ты уйдёшь потихоньку.
Станешь ждать, что приду,
Соловьём засвищу у ворот.
Позвонишь.
Стул в моём пиджаке
Подойдёт к телефону,
Скажет: – Вышел. Весь вышел.
Не знаю, когда и придёт.*

Так я открыл свою поэтическую вселенную” (Ю.П. Кузнецов).

Поражает многогранность поэзии Ю. Кузнецова. Она затрагивает и отражает проблему добра и зла, проблему войны и мира, проблему любви и веры, борьбу за возрождение духовности, дисгармонию природы и социума, утрату нравственности, распад личности, проблему двух культур, мифологию и реальность, проблему одиночества человека, духовную заброшенность России, христианскую мифологию, отношения мужчины и женщины, задачи поэзии и роль поэта, трагический раскол России, и недобрые предчувствия будущего человечества. Его стихи – это

скорее раздумья и откровения. Для того, чтобы понять состояние поэта, его боль, его одиночество, трагизм и безнадёжность всей ситуации, достаточно познакомиться с такими стихами, как – Атомная сказка, Встреча, Русский маятник, Маркитанты, Поэт и монах, Молитва, Забор, Рана, Новое Солнце, Покаянный вздох, Вечный изгнанник, Отрицание, Невидимая точка, Вина... с их реквиемным звучанием:

Через дом прошла разрыв-дорога,
Купол неба треснул до земли.
На распутье я не вижу Бога.
Славу или пыль метёт вдали?

Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Всё равно на свете не остаться.
Я пришёл и ухожу один.

Прошумели редкие деревья
И на этом свете, и на том.
Догорели млечные кочевья
И мосты – между добром и злом. (“Распутье”)

***

Я увидел: всё древо усеяли бесы
И, кривляясь, галдели про чёрные мессы.
На ветвях ликовало вселенское зло:
– Наше царство пришло! Наше царство пришло! (“Видение”)

***

Кто на веру из нас не тяжёл!
Кто по деду из нас не безбожник!
Всякий сброд через хату прошёл,
В нашей хате растёт подорожник. (“Икона Божьей Матери”)

***

Одолень-звезда взошла над нами,
Замешалось лихо на беде.
Полнарода ходит вверх ногами,
Словно отражения в воде. (“Тит”)

***

Туман остался от России
Да грай вороний от Москвы.
Ещё покамест мы живые,
Но мы последние, увы.
Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне,
И услышали голос Бога:
– Ко Мне, последние! Ко Мне! (“Призыв”)

***

Гори, огонь! Дымись, библиотека!
Развейся, пепел, по сырой земле!
Я в будущем увидел человека
С печатью вырождения на челе. (“Новый Герострат”)

***

Что же ты не рыдаешь, не плачешь навзрыд?
Твою родину мрак обступает.

А она, как свеча, перед Богом горит...
Буря мрака её задувает. (“Свеча”)

Его, безобидная “Атомная сказка”, чудовищна. Меня поражает, как можно в такой простой форме представить сложнейшую проблему современности. И здесь не блаженное неведение Ивана, а проблема гносеологии! Где граница познания? К чему приведёт научно-технический прогресс с падением гуманитарной культуры и нравственности? **“Где граница между Сциллой безумного прогресса и Харибдой деградации?”** (А. Ольшанский). В рамках мифопоэтического пространства герои Кузнецова часто являются соединительным звеном между миром живых и миром мёртвых и прослеживается явно трагическое состояние их душ: “И снился мне кондовый сон России”; “Душа верна неведомым пределам”. А его религиозные мотивы свидетельствуют о стремлении к возвращению человека к вере. Так кто ты есть – человек? Палач и жертва в одном лице! Создатель и разрушитель в одном лике! Бог и Дьявол в одном обличии! Добро и Зло! Дерево познания – первородный грех – изгнание из Рая и долгий путь Человечества в Ад. Хотя в рамках Вселенной – это всего лишь миг. Причём человек сам упорно и целенаправленно, благими намерениями, мостит себе дорогу в Ад. А ведь приход Иисуса в мир человеческий для его исцеления, говорит о том, что для Бога человек – самое ценное. Признак Мессии – “благовествование Царства Божия”.

Любовная лира также вписывается в **трагическую тональность** его поэзии. Любовь в стихах поэта не эталонная, не лубочная, не глянцева, она **менее лирическая и более чувственная**. Там мало того, что мы привыкли видеть в *любовной лирике*; там мало слов о любви, но всё пронизано *большим чувством*. Его любовь полнокровная, реальная; наполненная раздумьями и ностальгией; и это страстный и **обоюдно равный “поединок”**. Стихи отличаются уплотнённой, лаконичностью, значимостью каждого элемента и “трогают душу”:

Ни жена, залитая слезами,
Ни свеча за вечный упокой, –
Только ты стоишь перед глазами,
Как звезда стоит перед Землёй.

***

В эту степь забрели мы на счастье
И гуляли всю ночь до утра.
И душистые вмятины страсти
Распрямить не успела трава.

***

Мы полны соловьиного свиста.
И туманную книгу любви
И страницы смертельного смысла
Пролистали, как губы свои.

***

Ни перстом, ни крестом не хранима.
Ты глядишь, словно загнанный зверь:

– Как! Ты мимо проходишь?

– Да! Мимо.

– Это ложь! Я не верю!

– Не верь.

Не знаю почему, но моим любимым стихотворением на эту тему является его “небольшая поэма” – “Дни очарования” (1995 год). О чём она? Да ни о чём, но и обо всём, о нас, о нашей жизни брэнной, о наших встречах и разлуках, о надеждах, о нашей боли... Для меня – это тихая любовная лирика поэта. Это импровизация, её пишет не поэт, это пишет его “Я”, его душа, его мифологический образ. Такое не всегда удаётся “разложить по полочкам”, такое завораживает. А

“Ковёр-самолёт” Ю. Кузнецова можно считать *Гимном Любви* – самому светлому чувству во Вселенной:

Ты сорвала подвенечное платье,
Вспыхнул синь-порох в глазах.
И, словно душу, раскрыла объятья –
Вся в голубых небесах.

– Люди увидят! – А людям не видно,
Как я нагая стою.
– Бога побойся! – А Бога не стыдно!
Бога я тоже люблю.

Жаром дохнула густая молитва,
Плоть превращая в огонь.
И завязалась любовная битва –
Ветер меня охолонь!...

Как пишет Л. Васильева – “Не знаю в поэзии моего поколения стихов о любви более полнокровных, более дерзких и точных по чувству... *Кузнецов говорит с женщиной на равных...*”. Этим и отличается его любовная лирика от любовной лирики Тютчева. Но мы имеем девять *богинь – покровительниц* наук и искусств, *девять Муз!* В любой женщине, как и в любой науке и в любом виде искусства, есть своя тайна. В сфере любви никогда мужчина *не может говорить на равных* с женщиной. Перед любовью женщина более ответственна, чем мужчина. Это обусловлено Природой. В итоге, “поединок” бывает, как правило, роковым только для одной стороны.

Ты выдержал верно упорный характер,
Всю стёр – только платья висят.
И хочешь лицо дорогое погладить –
По воздуху руки скользят. (“Мужчина и женщина”)

Тем не менее, поэт с явной теплотой, любовью и симпатией пишет о Еве в своей поэме – “Сосшествие в Ад”:

Тут я услышал, как Ева Адаму сказала:
– Этот Живой! – и, стыдясь, на меня указала.
Тут я заметил, как сильно смутилась она.
Так и осталась в ней дева на все времена.
Так и стоит, прикрывая одною рукою
Белые горы, а тёмный пригорок – другою.

Не могу согласиться и со словами Ю. Кузнецова о том, что “...Они (женщины) исполнители, а не творцы. Женщины не создали ни одного великого произведения”. Поэт явно противоречит сам себе, ибо *сам является незаурядным произведением женщины. Они исполняют волю Бога и творят людей, человечество*, что не удалось сделать ещё ни одному мужчине. Это *Деяние Божие* и жизнь каждого человека бесценна. Так что женщины на Земле занимаются богоугодным делом. А “*Аве Мария*” (Ангельское приветствие) – католическая молитва, обращённая к Деве Марии, эта *Песнь Пресвятой Богородице*, является апофеозом Женщины в лице Марии – матери Иисуса. И слова архангела Гавриила, обращённые к ней, “*Благословенна ты среди женщин и благословен плод чрева твоего*”, можно смело отнести к каждой женщине. Всё, происходящее на Земле, есть исключительно “созидательная заслуга” мужчин. *Занимаются ли они богоугодным делом?!*

На мой взгляд, Ю.П. Кузнецов в русской поэзии оказался единственным, кто осознал Вызов, брошенный Историей Человеческой Цивилизации, и ответственность перед Богом, перед Историей за всё содеянное человеческим сообществом. В этом и состоит его значимость, как Философа и как Мыслителя. Он “вышел” за рамки поэзии, но благодаря поэзии!

Душа на свободу рванулась,
И ветры такие пошли,
Что риза небес завернулась,
Едва отойдя от земли.

– О, ветры! – я молвил в тревоге. –
Одёрните ризу стыда.
Я вижу кровавые ноги
Того, кто распят навсегда. (“Совесть”, 2003 год)

Недаром Мартин Хайдеггер говорил, что *человеческий язык, который проявляет себя в первую очередь через поэзию, есть проявление самого Бытия*. Как Иисус Христос, находясь среди людей, сумел *подняться над ними*, так и Юрий Кузнецов, *сумел подняться над человеческим сообществом и осветить содеянное им в других пространственно – временных масштабах*. Он выступил в данном случае Прожектором Истории Человечества.

Я считаю, что поэмы Ю. Кузнецова “Путь Христа”, “Сошествие в Ад” и неоконченная поэма “Рай” являются квинтэссенцией его поэзии. В последних двух поэмах поэт замыкает собой два разорванных света – мир Иисуса Христа и наш мир. Для него их создание было “... его личным, его собственным путём к Богу и к спасению души” (Ст. Куняев). Это не просто элементы искусства, это *Триада – Причастие, Исповедь и Покаяние* в лице поэта от всего человечества: “Вздрыгнуло сердце! Рыдай, моя лира, рыдай! // Плач покаяния есть возвращение в Рай”.

Покаяния вздох покидает
Эту землю для горних высот,
Где, быть может, архангел поймает
И до Бога его донесёт... (“Покаянный вздох”)

Причастие – это венец существующих в православной церкви семи таинств. Оно самое главное и самое загадочное. За день до Своего крестного подвига, на Тайной Вечере, Иисус Христос впервые открыл ученикам Таинство Причастия. Он показал возможность соединиться с Ним не только на духовном, но и на материальном уровне (хлеб, вино – тело и кровь Христа). Мы каемся перед Богом и просим Его простить нас и допустить к принятию Своего Тела. Главным является Исповедь, мы исповедуем свой грех. Поэт, с одной стороны, воспекает личность Иисуса Христа, а с другой – подвергает *анализу греховную историю человеческого сообщества*: “Видно, забыл ты, сражаясь в крови по колено, // что на Земле людям жить подобает смиренно”.

Битвы земные чреватые небесной войной.
Люди с оружием выходят из женского лона
И направляются в сторону Армагеддона...

Ю.П. Кузнецов своими поэмами исповедовался за грехи Всего Человечества, оставление грехов и примирение с Богом во Христе. Так что не мне их обсуждать, это *таинство*. Я ими только могу восхищаться, восхищаться филигранной точностью его поэтического языка, его образов, *единством слова и мысли*. “Каждое слово его как звенящая медь, // каждое слово сбылось или сбудется впредь” (Ю.К.).

Христос, ради спасения Человечества, принял мученическую смерть на кресте; Юрий Кузнецов своей исповедью за грехи Человечества фактически взял их на себя. А если учесть тот шквал *критики и негатива*, который обрушился на поэта после публикации этих поэм, то можно сказать, что он был “распят” на Вратах Истории.

Последние поэмы Ю. Кузнецова на библейскую тему больше, чем великолепны. Это уникальное явление в нашей духовной культуре. Он изобразил живого Иисуса Христа, а не религиозную догму; он показал его жизнь на Земле и его Восхождение; он показал страдания живого Христа; он приблизил его к душе русского человека; он показал истинную суть раннего Христианства, основанного на идее единого божества, на братстве людей по Богу, на морали мира. **“Царство Божие среди вас есть”**. Речь шла о коренном нравственном перевороте, захватывающим саму Природу Человечества.

Полный печали и трепета, я произнёс:

– **Боже! Ты плачешь! – Быть может! –**
ответил Христос. –

Только запомни: то утка подманная кричит,
То человечье во Мне, а не Божие плачет.

Полный печали и ужаса, я произнёс:

– **Боже! Ты страждешь? – Быть может! –**
ответил Христос.

Только запомни лица Моего выраженья:

То человек, а не Бог принимает решение.
(“Сшествие в Ад”)

Для многих его поэмы – это единственный путь к Вере. В русской поэзии, богатой именами, всё это было, но не в такой степени и не так образно. Но такого эпоса, как “Путь Христа”, в таком удивительном изложении, я не помню. И если будет когда-нибудь, во Вселенском масштабе, эмблема Земли, то на ней будет изображён Лик Иисуса Христа, который олицетворяет собой Богочеловека – Бога в облики Человека. “Среди сынов человеческих никогда не рождалось более великого, нежели Иисус” (Э. Ренан).

Когда сталкиваешься с такими шедеврами, логика, анализ и рациональное уходят на второй план. Шедевры воспринимаются целиком, комплексно, так как пишатся не умом, а душой и сердцем. **Тем более, что поэмы Ю. Кузнецова являются проявлением его мифологического сознания, для которого характерны – целостность, иррациональность и символизм.** По мере написания поэм Юрий Кузнецов прекрасно осознавал безнадежность всей ситуации: “Жаль, что искатели слепы, и глухи, и немые...”, “Вера упала, народная воля слепа...” (Ю.К.). Поэтому с каждой написанной строчкой сокращалась дистанция между его жизнью и смертью.

В заключении, я бы хотел рассмотреть феномен мифологического сознания в рамках **нейрофизиологии**. Мифологическое сознание часто связывают с *внутренним* зрением, с *внутренним* слухом, с *внутренним* видением, с интуицией. На самом деле оно “обусловлено” строением и работой нашего головного мозга.

Мифотворчество, мифологическое сознание вписывается в хорошо известную **бинарную структуру мозга и мышления, в теорию функциональной асимметрии полушарий головного мозга**. Человек мыслит на двух уровнях – **левополушарном** (рациональное и логическое) и **правополушарном** (образно – символическое и мифологическое). Асимметрия полушарий не удивляет. Это свойство всего живого, которое проявляется уже на уровне молекул. **Доминирование правого полушария** определяет склонность к творчеству, образный характер познания, восприятие гармонии форм и цвета, целостность восприятия, абстрактно – нестандартное мышление, воображение, понимание иносказательных фраз (метафор) и аллегорий. А ведь известно, что **истинное мышление – образное, целостное и комплексное**. Всё это приводит к тому, что у “правополушарных” хорошо развита интуиция. Каждое полушарие мозга по-разному обрабатывает информацию, имеет свои области специализации и вносит свой вклад в любую психическую

функцию. Основы функциональной специализации полушарий являются *врождёнными, а по мере развития происходит лишь усложнение механизмов межполушарной асимметрии*. Доминирование полушарий может передаваться генетически по наследству – от родителей к детям, но даже и через несколько поколений. Так что не всем дано мифологическое сознание, о чём и говорил Ю. Кузнецов.

Роль мифологического сознания важна и потому, что мозг *не различает материальное от воображаемого*. Поэтому мысль может многое. Наши мысли активируют огромное количество нейронов в мозге, способствуют синаптическим связям, что ведёт к формированию нейронных сетей, ответственных фактически за всю работу мозга. Для мозга и нейронов нет разницы между *реальным и мысленным* опытом. Изменение мышления приводит к изменениям в организме и могут менять всю биохимию. В этом состоит наше Со-творение реальности. А миф (сказание, предание, легенда), как начальная форма духовной культуры, как бессознательная наивная картина мира, включающая Природу и Человека, – это самая древняя идеологическая сущность.

Нейрофизиологический механизм действия образности поэтического слова следующий. Известна локализация функций организма в коре головного мозга и известно деление коры на цитоархитектонические поля (52 поля Бродмана и 180 полей Эссена), вовлечённых в выполнение различных функций. Слова и речь, являющиеся носителями информации, могут вызывать реакцию функциональных систем, которые определяют смысловое содержание речи и слов и вызывать физиологические процессы путём активации определённых зон мозга. Как показали исследования Штырова Ю.Ю. (Кембридж), в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют *не только речевые области*, но и другие зоны мозга. *Так формируется нейронная сеть, которая физиологически связывает звучание и произношение поэтического слова с теми действиями и ощущениями, которые оно означает. Мы имеем топографическую конфигурацию представительства слов в мозге. Естественно, она влияет на процессы, происходящие в мозге. Чем выше образность, тем сложнее топографическая конфигурация нейронной сети, тем больше задействованных в восприятии зон мозга, тем активнее поведение мозга*. Поэтому повышенная образность поэтического языка всегда приводит к усилению активизации работы мозга, к магии и таинству поэзии.

После смерти, когда обращаться
Вам уже незачем станет ко мне,
Ещё будет вопить и шататься
Моё тело на этой земле.

Будет жалоба, вами живая,
Из-под сердца глубоко блистать.
Из лица пустота мировая
Всё пронзительней станет свистать.

Брат! Я дверь распахну на рассвете.
Позабыл ли? Мы были друзья.
Ты посмотришь на дверь: “Это ветер!”
Ошибаешься, брат. Это я! (Ю.К.)

Эпилог.

Юрий Поликарпович Кузнецов – более значимого поэта, значимой личности в советской поэзии не было. Его талант очевиден и это даже не обсуждается.

Главное, что поднимает Юрия Кузнецова над нашим сообществом, над всеми нами, волнует и беспокоит нас, так это – его *мировоззренческая позиция, его понимание задачи настоящей поэзии, борьба с косностью и догмой, его видение Будущего Человечества*. Очевидным является то, что Ю. Кузнецов, единственный в русской поэзии, кто так полно и явственно осознал Вызов, брошенный Историей Человеческой Цивилизации, и Ответственность перед Богом, перед Историей

за всё содеянное человеческим сообществом. Он прекрасно выразил это языком Поэзии и вышел за рамки Поэзии. Его произведения отражают в полной мере драматизм и трагизм всей человеческой цивилизации, всего исторического опыта. *Трагедия Ю. Кузнецова была в том, что, поняв и осознав надвигающийся Апокалипсис, он не знал (как и мы не знаем) – Что Делать?* Фактически это его и убило.

Но ведь отсюда и вытекают цели и задачи настоящей Поэзии, понимание настоящей Поэзии! Прошло время державинских од, песнопений и воспеваний. Юрию Кузнецову, судя по воспоминаниям коллег, всегда претили косность и догма в поэзии; отсутствие гармонии между словом и мыслью или образного выражения мысли в слове; пустота. А в творческой среде, в искусстве и в науке, “все талантливы и каждый талантливее всех, каждый первый среди равных”. И это естественно и закономерно для творческой личности. Об этом ещё говорил Сологуб. Поэтому *одиночество и неприятие* Кузнецова “коллегами по цеху” было предсказуемо. Тем более, что в этой сфере *духовное граничит с материальным.*

Я одинок, я жду освобожденья,
Как хвост кометы, жизнь свою влача.
Мне всё темней в день моего рожденья,
Всё громче Богу молится свеча. (“В день рождения”)

Гении и Титаны отличаются от нас “смертных” тем, что их мозг работает не в штатном режиме. Мозг – это сложная жёсткая система, основной задачей которой является обеспечение его безопасности и безопасности всего организма. Поэтому на входе больших полушарий происходит *частичная фильтрация информации*. Мозг, обращаясь к “карте памяти”, блокирует ту информацию, которую считает нежелательной. Это и есть – *штатный режим работы мозга*. Если происходит нарушение штатного режима, возможности и способности мозга усиливаются в разы. Это и есть – Гений, так как у него *снижена контролирующая функция мозга*. У него расширен диапазон, видение и восприятие происходящего. Так что Гении обречены на одиночество и на непонимание; они всегда были “изгоями”, так как не вписывались в реальность. В истории таких примеров много. Как рождаются Гении и кого куда “целует Бог” при рождении, неясно. Но с позиций нейрофизиологии, это аномалия, поскольку снижается защитная функция и мозга, и организма, что всегда плохо. Причинами появления неординарных способностей у человека могут служить также болезни, нервные стрессы, переживания, катастрофы и т.п.

Юрий Поликарпович Кузнецов – русский Гений поэзии, философ, мыслитель. И, конечно, он тяжелее всего переживал своё одиночество и непонимание от своих коллег. Причина этого – *непонимание Гения*: разные “эшелоны полёта”, разные уровни пространства, разные уровни мышления, разные уровни мировосприятия, разные пространственно – временные масштабы, да и разные нейрофизиологические параметры от Бога. И всё это на подсознательном уровне, на уровне нейронных сетей, на уровне биохимии. *Несовместимость восприятия, несовместимость понимания, несовместимость души, несовместимость жизненных позиций – вот основная причина одиночества поэта*. Кроме того, необходимо учитывать, что, при всей своей гениальности, одарённости и огромного таланта, Юрий Кузнецов был сложной и непростой личностью. Трагедия Большого Поэта, Трагедия неординарной Личности с планетарным мышлением привели к тому, что *“поэт сгорел на костре, который сам сложил и сам зажжёг”*.

Несомненно, что Юрий Поликарпович Кузнецов своим творчеством, своим видением исторического опыта Человеческой Цивилизации занимает достойное место в русской поэзии и на Поэтическом Олимпе. Он был истинным патриотом не только *Всея Руси*, но и патриотом *Всея Земли*. Поэтому, думаю, что вслед за *пушкинской* плеядой поэтов, за *тютчевской* плеядой, появится (наверняка она уже есть) *кузнецовская плеяда поэтов, связанная с личностью Юрия Поликарповича*. И в основе их поэзии также будет лежать *глубокая поэтическая мысль, образность и они будут достойно представлять мыслителей XXI века*. Всё, что связано с именем Ю.П. Кузнецова: с его творчеством; с его поэзией; с глубиной, образностью его поэтического языка; с его философией, мировоззрением и видением Будущего Человечества; с его

мифологическим сознанием, можно объединить следующим образом – ***“Феномен или Явление Кузнецова”***.